Народная история Сортавалы[1] в рассказах местных жителей

Эста Геннадьевна Матвеева [1],[2]

✉ tezcatlipocaunpocoloca@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8249-5355

[1] Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
[2] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Матвеева, Э. Г. (2021). Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей. *Фольклор и антропология города, IV*(1–2), 42–75. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-42-75.

Война поделила историю Сортавалы на две части: финскую и советскую. С уходом в 1940-е годы финского населения прерывается та часть памяти, которая связывала место с его жителями все предыдущие годы. Новоприбывшие получают в наследство землю с историей, которую могут «читать» лишь по сохранившимся артефактам, переданному материальному наследию, для которого даже не всегда имелось название. Лишь спустя половину века эти люди получают возможность углубить свои знания и обогатить «финскую память» о месте благодаря прежним хозяевам и их потомкам, пожелавшим вернуться к покинутым наспех домам; вместе с тем приходит понимание и осознание европейского прошлого города. Параллельно этим процессам с 1940-х годов идет формирование собственной советской истории места — биографической памяти, сохранившейся в личных и семейных историях первопоселенцев. Она также подключается к созданию образов города, сохранившихся сегодня в нарративах старшего поколения. В работе описываются ключевые мотивы исторической памяти Сортавалы, зафиксированные во время недельной экспедиции в город в октябре 2020 года в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций».

Ключевые слова: народная история, устная история, локальная идентичность, фольклор, антропология города

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20–1–036197)

Folk history of Sortavala in local residents' stories

Esta G. Matveeva [1], [2]

✉ tezcatlipocaunpocoloca@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8249-5355

[1] Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia
[2] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

[1] В данной работе нами принято сложное решение склонять название города по падежам, однако в интервью мы ставили Сортавала в той форме, в которой это слово произносят наши собеседники (более подробно об этой дискуссии см. в разделе «Финское наследие»).

To cite this article:
Matveeva, E. (2021). Folk history of Sortavala in local residents' stories. *Urban Folklore & Anthropology*, *IV*(1–2), 42–75. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-42-75. (In Russian).

The war divided the history of Sortavala into two parts: the Finnish and the Soviet. After the departure of the Finnish population in the 1940s, the part of the memory that used to connect the place to its inhabitants during the previous years was interrupted. The newcomers received a legacy of a land with a history that they could "read" only from the surviving artifacts, transferred material heritage, for which there had not even always been a name. Only half a century later these people are getting the opportunity to deepen their knowledge and enrich the "Finnish memory" of the place thanks to the former owners and their descendants, who wished to return to their hastily abandoned houses; along with that comes an understanding and awareness of the city's European past. Simultaneously with these processes, the formation of Sortavala's own Soviet history has been taking place since the 1940s — biographical memory preserved in the personal and family histories of the first settlers. It also becomes involved in creating images of the city that are preserved today in the narratives of the older generation. The paper describes the key motifs of the historical memory of Sortavala, recorded during a week-long expedition to the city in October 2020 under the project "The People's History of Russia: Crossroads of Local Civilizations".

Keywords: folk history, oral history, local identity, folklore, urban anthropology

Сортавала — один из немногих городов, за короткий промежуток времени несколько раз переживших полное обнуление и перезаселение территории. В отличие от других территорий с похожей историей (Львов, или Лемберг — со второй половины XVIII века до начала XIX века столица австрийской провинции, в результате Второй мировой войны из города была выселена большая часть польского населения; Калининград, или Кёнигсберг — до присоединения к СССР часть Восточной Пруссии, после Второй мировой войны в городе осталась лишь незначительная часть бывшего немецкого населения) после включения Сортавалы в состав СССР в городе практически не осталось финнов, которые бы продолжили сохранять свои культурные традиции и поддерживать историческую память («Сортавала, Выборг и другие населенные пункты, принадлежавшие Финляндии и отошедшие к СССР, уникальны тем, что бывшее население покинуло их в одночасье. С уходом прежних жителей прервалась память, связывающая место с его обитателем» [Изотов 2008-2: 58]). С 1940-х годов начинается планомерное заселение территории. Люди в несколько этапов направляются государством из других регионов СССР на восстановление города и заводов, на работу по распределению после учебы, отправляются по принуждению или едут по собственной инициативе «за лучшей жизнью» как в более процветающую область («Переселение колхозников и колхозов намечали произвести из ряда областей и республик Советского Союза: Белорусской ССР, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Рязанской, Калининской, Смоленской, Орловской, Кировской и Вологодской областей» [Веригин 2017]). Пограничная особенность территории сделала из Сортавалы полиэтничный город. По данным переписи, в конце XIX века в Сортавале проживали преимущественно финны, карелы, шведы и шведоязычные финны и русские [Пашков 2017]. В 1940-е годы значительную часть переселенцев составили белорусы из Белорусской ССР (более 30 тыс. чел.) [Веригин 2017]. Сейчас вместе с русским и украинским населением они представляют преобладающую часть жителей города. Также в

Сортавале продолжает проживать небольшой процент карелов, приехавших сюда после войны, а также финнов, так и не покинувших территорию после войны, либо вернувшихся на родные земли с открытием границ в 1990-е годы.

Во многом особенная и чрезвычайно яркая история города Сортавала давно привлекает к этому региону исследователей, в том числе антропологов, фольклористов и всех, кто работает с устной и письменной памятью. Эти исследования включают в себя как узкоспециальные работы, посвященные исключительно Сортавальскому району, так и работы, посвященные общекарельской специфике региона. В первой группе можно выделить несколько наиболее популярных среди исследователей тем. Первая из них затрагивает особенности заселения и освоения бывших финских территорий, процессы адаптации к новым незнакомым жизненным условиям (тема чрезвычайно востребованная у исследователей всего Карельского перешейка, в особенности историков) [Мельникова и др. 2005, Изотов 2008-2, Большакова 2009, Мельникова 2009, Веригин 2017]. Вторая тема, наиболее широко представленная и изученная, сфокусирована на влиянии финнов и финского наследия на развитие советской Сортавалы, а также на постепенном осмыслении новыми жителями города полученного материального и нематериального наследия [Изотов 2005, Мельникова 2009, Мельникова 2015, Шикалов 2017, Мельникова 2017, Мельникова 2019]. Третья тема отчасти затрагивает первые две, однако акцент падает на формирование локальной идентичности и нередко борьбу за нее в сложившихся специфических условиях (переселение, пограничье, финское наследие) [Дубровская 2008, Изотов 2008-2, Мельникова 2009, Мельникова 2014, Мельникова 2015, Итконен, Шикалов 2017, Мельникова 2017]. Четвертая тема переключает внимание с местных жителей на пространство — его уникальность и особенности освоения каждым поколением сортавальцев [Изотов 2008-1, Илюха 2020].

Исследовательский интерес нашей группы был сконцентрирован на четырех блоках, так или иначе затрагивающих вышеперечисленные темы: город, горожане, ключевые исторические события и точки на карте, связывающие устные нарративы с городскими пространствами и объектами. Особенности переселения, которые вынуждали людей покидать родные земли и начинать новую жизнь на чужой земле, отсутствие корней и размытость памяти поколений о месте тем не менее не помешали за более чем полвека адаптации сформировать свое понимание себя в городе и сам образ города. В этой работе мы хотели бы рассказать об этих смыслах — ключевых мотивах локальной исторической памяти, вокруг которых формировались нарративы наших рассказчиков.

Описание экспедиции и полевых материалов

Материалы, задействованные в работе, были записаны во время недельной экспедиции в Сортавалу в октябре 2020 года[2]. Экспедиция состоялась в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», в основу которого положена идея вынесения локального знания пограничных территорий в поле публичной истории. Этим был обоснован выбор города, расположенного на границе России и Финляндии, соединившего в себе черты двух культур, на протяжении многих десятилетий

[2] Участники экспедиции: Михаил Олегович Гардер, Эста Геннадьевна Матвеева.

формирующих локальную идентичность и народную память о месте. За время экспедиции было проведено двадцать одно полуструктурированное интервью. Возраст собеседников колебался от 17 до 80 лет, среди охваченных социальных и профессиональных групп были: деятели культуры, работники в сфере образования, служитель церкви, преподаватель карельского языка, журналист, фотограф, политик и активист, работник библиотеки, краевед и частный гид, предприниматель, маркетолог, ветеринарный врач, режиссер театра, бывший деятель в сфере международных отношений, бывшая спортсменка и школьник. Среди собеседников были те, кто детьми участвовал в переселении 1940–1950-х годов из соседних районов, Белоруссии, Вологодской, Калужской, Псковской и других областей или застал в живых родственников, которые рассказывали им о первых годах освоения новых территорий. Мы разговаривали с потомками финнов, во время войны бежавших в Советский Союз из-под знамен Гитлера, а также потомками финнов, выселенных с территорий бывшей Финляндской Республики. Кроме того, нам удалось побеседовать с представителем карельского этноса, родом из Прионежского района, а также с несколькими приезжими из Петрозаводска и Санкт-Петербурга.



Илл. 1. Интервью с Лейлой Тенгизовной Берая в кафе «Карельский дворик» на ул. Комсомольской. Создание ментальной карты города. Собиратель Михаил Гардер. На фото также присутствует Вера Валерьевна Перминова. Фото: Эста Матвеева

Пограничность

В отличие от ряда других пограничных городов, находящихся в непосредственной близости с населенными пунктами стран ЕС, от Сортавалы до поселка Вяртсиля, расположенного непосредственно на границе с Европой, — около 70 км. Разумеется, для некоторых это расстояние делает

существование жизни по другую сторону границы далеким, несущественным, а иногда даже нереальным («[А что, что это значило? Финны — это что?] Это какой-то другой мир был, запредельный вообще»[3]). В литературе встречается выражение «мифологизация границы» [Изотов 2008-1: 172], свидетельствующее о характерной для этого периода парадигме невнимания и нередко сознательного замалчивания факта существования финского соседства и событий, связанных с ними («А эта тема вообще не затрагивалась»[4]).

Безусловно, такому отношению к заграницe и иностранцам способствовало, во-первых, то, что после советско-финской войны в городе практически не осталось коренных финских жителей, во-вторых, то, что в послевоенный период Сортавальский район становится закрытой пограничной зоной, то есть все существующие до того момента контакты сводятся на нет:

> Если в 1940–1950-е годы местная сортавальская газета вовсе не обнаруживала того, что она издается на приграничной территории, то в период с конца 1950-х и до середины 1980-х годов «Красное знамя» в той или иной степени отражает факт существования государственной границы и ее влияния на местную жизнь [Изотов 2008-2: 54].

Для этого периода характерным становится не столько дискурс «пограничности», сколько «закрытость», замкнутость между двух границ: европейской и российской и, в связи с этим, особый режим повышенного контроля. Воспоминания о повседневности этого периода фиксируют контакты не с иностранцами, а с военными, в большом количестве проживающими на территории и интегрированными в социум на правах «элиты».

> У нас ходили пограничники по городу, был стройбат и были пограничники. Это я помню с детства: пограничники все были высокие и красивые, а стройбат были все нерусские. Они строили дома. Ну, или школы, все строили, то есть стройбат строил это все. А пограничники — это была элита, элита вообще просто[5].

> Потом в третьей школе, там в основном учились дети военнослужащих, там половина было, тоже так развлекались. У меня подруга была, и у нее папа такой майор Горетиков был. И говорит: ну что, говорит, девчонки, кого на танцы-то возьмете из пограничников? И мы с Лариской садились и выписывали увольнения пограничникам, с кем мы пойдем на танцы. [*Смеется.*] Тоже так интересно было[6].

> Во-первых, у нас было только по разрешениям, по пропускам. ‹...› У нас же был поезд на Ленинград, в 00:55 он уходил. Мы приезжали домой, у нас была цепь из пограничников на вокзале, и по пропускам нас пропускали. То есть должен быть обязательно пропуск, а местным обязательно — паспорта подавали мы. Мы проходили очень долгое время через такой пропускной пункт. Там была серьезная проверка — у нас был закрытый город[7].

Тем не менее закрытость и тотальный контроль со стороны спецслужб ассоциировались скорее с безопасностью, сплоченностью и порядком, чем с нежеланными навязанными результатами пограничного режима (хотя не исключено, что такие настроения также имели место, но не были озвучены в собранных интервью).

[3] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.
[4] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.
[5] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.
[6] Лущик Татьяна Анатольевна, 1961.
[7] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

Но мы знали, что мы закрытый город, мы это знали, мы это знали всегда. Очень хорошо было, когда было закрыто [*смеется*]. Все было закрыто, и никого нет. Мне почему-то кажется, мы не боялись ходить по городу вообще. Если вдруг вот получалось так, что надо было пройти по городу одной, это было не страшно, вообще никак. У нас, наверное, была какая-то преступность, но она была сведена до бытовых вещей[8].

Я застал, ты понимаешь, как-то было все это более интеллигентно, интеллигентно. Вот именно из-за закрытости этого города как-то, понимаешь, какое-то такое братство было, знаешь, что город-то маленький, но, уж не знаю, все со всеми здоровались, как-то было[9].

Разумеется, отсутствие прямого контакта с жителями по другую сторону европейской части границы не лишало город признаков, характерных для большинства приграничных территорий. К примеру, неудивительно, что советская идеология, навязывавшая определенное отношение к иностранным агентам и товарам, процветала в городе, улицы которого были украшены плакатами «Не болтай», а дети пели песни про разоблаченных иностранных шпионов (например, песню «Коричневая пуговка» на слова Евгения Долматовского, опубликованную в 1939 году):

Вы не слышали такую песню «Коричневая пуговка» (советская песня на слова Евгения Долматовского о разоблачении пионерами иностранного шпиона — *Э. М.*)? Вот эта песня — я ее знаю с пяти лет. И я ее пела [*смеется*]. Ну, у нас было так — у нас была пограничная зона, мы все это знали[10].

Однако в полной мере ощутить и распробовать блага пограничья удалось только ближе к 1990-м, когда граница открывается для иностранных туристов и всех россиян, но со значительным ослаблением визового режима для жителей приграничной зоны.

Первая делегация финнов приехала к нам 28 февраля [19]89 года. И вот с [19]89 года начинается история наших вот межгосударственных отношений — сначала на общественных, уровне общественной организации, а потом перешло вплоть до уровня государственной организации, потому что пошло какое-то финансирование оттуда, из Финляндии, на наши тут проблемные места[11].

Для местных жителей трансграничное взаимодействие становится ресурсом материального благополучия, причем как для старшего, так и для младшего поколения, умело встроившегося в экономическую парадигму взаимодействия, нашедшего в иностранцах успешный источник неофициального обогащения. На автостанции дети часто просили мелочь у финнов:

Я помню, когда финны приезжали, мелочь у них просили. Просто подходишь к финнам и говоришь: «Дайте мелочи». Давали финны мелочь. Дети, у них нет своих карманных денег, у финнов стреляли. [Тратили] на сладости, на покурить, на выпить. Прямо в центре города. Я помню, мы делали так там, где автовокзал, в том районе[12].

[8] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.
[9] Ладысев Артур Валерьевич, 1960.
[10] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.
[11] Гюттуев Иван Михайлович, 1938.
[12] Чалых Василий Сергеевич, 1993.

Но потом-то вот я уже попала, там 90-е годы, конец [19]80-х — делегация школьников, обмен школьников, в Финляндию съездить. И конечно же, там, когда приезжали — о, с другой, с другой планеты приезжали. Диктофон! Там кассета с диктофоном! Ну, у нас у всех были магнитофоны, мы жили нормально. У меня был магнитофон «Русь». Но прям там, конечно, такие какие-нибудь — линейка переливающаяся, там еще что-то. Ну, дети, господи[13].

Для взрослых этим ресурсом становится торговля (в том числе нелегальные способы закупки и сбыта), причем как новыми товарами, так и привычной, но более качественной продукцией («качество продуктов, оно значительно отличается, а до границы тебе доехать всего 60 километров»[14]).

Все дешевое. Сейчас — классика — сыр, кофе финский. Туалетную бумагу многие везут. Я помню, когда отец еще жив был, привез блестящую бумагу такую клейкую. Для поделок такую. Просто врезалось в память. Отец с финнами взаимодействовал, подрабатывал таксистом[15].

Вот, как раз, типа «Светланы» [магазин «Светлана» на Кирова, 18], туда иногда привозят местные барыги. А у нас, если говорить, тут барыги часто ездят. Они ездят на своих машинах, в бардачки прячут, под зеркала. Наверху там какие-то секретные карманы. Все вот это финское вывозили раньше и перепродавали здесь[16].

С одной стороны, они сюда в местные магазины сдавали, а с другой стороны они вывозили сигареты и алкоголь и где-то приезжали в точки в Финляндии. Где они знали места и продавали это. То есть это надо было знать какие-то места. У нас иногда просто возили блок сигарет, например. Он стоит 400 рублей. Покупаешь блок и вывозишь. Ну, потому что ограничение было, и на всех раскидывали, кто везет[17].

Помимо торгового сотрудничества, важной становится открывшаяся возможность обмена прошлым между двумя сторонами, в разное время владевшими одной территорией. У финской стороны она реализовалась во всплеске «ностальгического туризма» и возвращения в некогда наспех покинутые дома, к могилам родственников, в некоторых случаях даже к спрятанному перед эвакуацией имуществу (истории про финские клады [см. также: Мельникова 2009: 9]), а у бывших советских граждан — в стремлении углубить свои знания по истории своего дома.

...большой интерес у финнов возникал к нам, потому что это территории финнов, бывшие. Пожилое поколение еще живо было тогда, в [19]80-е, в [19]90-е годы, в [19]90-е годы они доживали еще. ‹...› у них большой интерес приехать, посмотреть, побывать на своих местах, там, на своих фундаментах, поплакать, рюмочку выпить. Много, очень много приезжали[18].

Когда границы открылись, лет 7, может быть 10, было паломничество глубоко пожилых людей, которые приезжали, они просто приходили на пристань и просили на катере их отвезти. Они же такие хуторские люди, и у них по всем нашим островам полно их фундаментов. Для меня они были чужие люди, и у меня они никаких чувств не вызывали, честно. Сейчас я к ним совсем по-другому отношусь, а тогда, знаете как «понаехали», ну, типа. Просто у папы был катер, и он их повез, и вот

[13] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.
[14] Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.
[15] Чалых Василий Сергеевич, 1993.
[16] Чалых Василий Сергеевич, 1993.
[17] Чалых Василий Сергеевич, 1993.
[18] Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

когда я увидела в первый раз, как он встает на колени перед этим фундаментом и плачет, я тогда стала понимать, что это была его родина. Тут его предки жили. И он маленьким здесь жил[19].

Финны приезжали активно вот в 1990-е годы на свои хутора. Приезжали на хутора, кто-то увозил землю с собой, кто-то какие-то там растения выкапывал, забирал на память, там, какие-нибудь кустарники, елочки[20].

История знает и такие случаи, когда с открытием границ финны возвращались на родные земли насовсем:

...этот человек все равно вернулся на эту территорию и привез свою жену, и с начала 1990-х годов до дней своей смерти — вот он умер, может быть, лет пять назад, где-то так вот, он постоянно приезжал из Финляндии, жил в большей степени здесь, вот на том месте, где он родился, жил на две страны[21].

В этой ситуации, как отмечает исследовательница территории Екатерина Мельникова, «прошлое района оказалось тем фундаментом, на котором строилось взаимодействие практически на всех уровнях местной жизни» [Мельникова 2015: 20]. Однако у этого взаимодействия была и другая сторона, которая не исключала негативной оценки вмешательства новообретенных соседей. Как и многие другие пограничные российские территории, Сортавала 1990-х привлекала иностранцев легкодоступностью нелегальных развлечений.

...финны сюда приезжают. Они это место любят. Как говорил один человек, когда финны начинают выделываться, что русские такие-сякие: «Пейте, пока у нас дешево, скоро у вас и этого не будет!» Они сюда ехали за девочками и за всем. А в то время, в 1990-е — это была жуть, что здесь творилось. Проституция здесь была чуть ли не элитным занятием. Из-за этого у нас первый [город] по СПИДу, из-за того, что он первый на границе стоит[22].

Раньше ходили легенды, что сюда финны ездят, чтобы снимать местных проституток. И даже гостиница «Ладога», ходят слухи. Опять же, не проверял, у меня просто там знакомый живет. Рассказывал, что там проститутки водятся. Ну, такие, из местных. Это раньше было. Сейчас, говорят, поменьше стало, но финны сюда ездили, чтобы бухать водку, потому что там [В Финляндии. — Прим.] дорого, и за нашими проститутками. Они же падкие на деньги, а Финляндия более обеспеченная, чем мы. Тем более после 1990-х, в 2000-е не особо еще экономика. Русские [девушки] — красивые, да. Это в том числе. Ну, или они доступные были. Или у гостиницы просто были «ночные бабочки», типа угол или место, вокруг которого они возились. И финны, видимо, знали и ездили туда. Финки страшные — у нас считается среди местных. Мне нравятся, но как-то не получалось[23].

Наряду с открывшимися возможностями и формирующимся новым европейским мироощущением, период с 1990 до 2010 года все вспоминают также как время крайней стагнации и упадка. В нарративах жителей город приобретает черты карикатурно неблагополучного и преимущественно транзитного пространства, который способен лишь отпугнуть туристов.

[19] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960
[20] Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.
[21] Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.
[22] Перминова Елена Анатольевна, 1970.
[23] Чалых Василий Сергеевич, 1993.

> Я вам расскажу другой случай. Значит, было совещание директоров-круизников, круизных направлений. Министерство тогда еще было у нас в ту пору — они решили провести это совещание в городе Сортавала. ‹…› Это еще был у нас, наверное, год 2007–2008-й. Приехали руководители очень известных компаний, таких, как «Водоходъ» и так далее, которые, в общем-то, сегодня работают с Кижами, работают с Валаамом, с Соловками — вся эта прелесть нашего Севера. Все бы ничего, но встает руководитель круизного направления и говорит: «Что бы я сейчас хотел сказать тем людям, которые меня слушают от города Сортавала. Если город продолжит свою работу в таком же русле дальше, мы туристов будем привозить с Валаама, конечно, в Сортавала, но это будет следующим образом. Мы, значит, будем вынуждены людей пересаживать из «Метеоров» в автобусы, закрывать шторы и ехать на Рускеалу. Если ваше местное сообщество не поймет, что город нужно привести в порядок[24].

Несмотря на явную тенденцию к преобразованию городского пространства, которую подчеркивают многие рассказчики («Сейчас после 1990-х пытаются эту разруху побороть»[25]), воспоминания о доперестроечном закрытом и неевропейском, но безопасном и уютном прошлом города негативно сказываются на восприятии его «неорганизованного» и «неухоженного» настоящего.

> А потом, есть просто неорганизованность города определенная. Самое банальное, просто самое первое, что бросается в глаза: бросают мусор — но она маленькая, вот эта урна. Поставьте две таких, уберите в субботу. Около выставочного зала работает дворник — всегда вылизано, всегда чисто. Два шага в сторону — и все[26].

> Я в прошлом году была в Выборге. Вроде они немножко похожи, города, Выборг. Но получилось, что после Выборга у меня такое было ощущение, что Сортавала такой неухоженный город. Вот не хватает вот этого — ухоженности. И туристы тоже это замечают[27].

Таким образом, советское и постсоветское прошлое города имеет дело с двумя концепциями пограничья — важной и едва ли не ключевой особенностью местного самоопределения. В послевоенный период — это концепция, реализованная за счет сведения приграничья к закрытости, то есть к отсутствию контактов и информации о жизни по другую сторону границы, с сопутствующим повышенным контролем и ощущением изолированности и обособленности. Прошлое в этом новом мире неактуально, его история формируется здесь и сейчас. В постсоветский период появляется концепция приграничья как сверхресурсности. Она открывает существенные преимущества и способствует формированию «нарратива об исключительности» [Окунев, Еряшев 2018, Тимофеев 2011], а позже и столичной идентичности (см. выше «региональные столицы» [Окунев, Еряшев 2018]). Во-первых, появляются торговые каналы и легкий доступ к европейским товарам. Во-вторых, легализованные контакты с финской стороной открывают каналы углубления памяти о месте. С их помощью приходит понимание и осознание европейского прошлого города, его истории, которую раньше советские переселенцы могли читать лишь по сохранившимся артефактам — материальному наследию, для которого

[24] Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.
[25] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.
[26] Берая Лейла Тенгизовна, 1967.
[27] Луцик Татьяна Анатольевна, 1961.

даже не всегда имелось название. Сегодня приграничье для местных жителей имеет и еще одно значение: открытие границ способствовало появлению таких негативных особенностей, как транзитность, небезопасность и отчасти неблагоустроенность. Однако особенность локального самовосприятия заключается в том, что наличие позитивных атрибутов уникальности делают эти негативные признаки несущественными и не препятствующими формированию особой столичной элитарной идентичности.

Столичность

До второй половины XIX века Сортавала была скромным провинциальным городом, жители которого в силу географического расположения редко контактировали с кем-либо, помимо своих близких соседей [Итконен, Шикалов 2017: 49]. Однако на рубеже столетия ситуация начинает меняться, и в период с 1880 до 1910 года население города вырастет с 890 до 3085 человек (для сравнения: в Выборге в это время было уже более 20 тысяч человек) [Пашков 2017: 57]. Росту населения и в целом периоду экономического и культурного развития в городе способствовало открытие в 1880 году в Сортавале главного на тот момент образовательного центра, а вместе с тем и источника социокультурного развития — Сортавальской учительской семинарии (в здании которой сегодня располагается Сортавальская районная библиотека). Переехавшие из других частей Финляндии педагоги и ученики становились инициаторами передовых для города инноваций: учреждение в 1981 году существующей по сегодняшний день газеты «Ладога», открытие городской библиотеки и пр. [Итконен, Шикалов 2017: 50].

Помимо деятельности семинарии, культурный прогресс стимулировало открытие в городе несколькими годами позднее историко-краеведческого музея, лицея и народной школы. Однако одним из самых значимых событий культурного значения были получившие широкую известность песенные всефинляндские фестивали, посвященные эпосу «Калевала» (1896–1935), организованные в парке Ваккосалми в месте, акустическую уникальность которого подчеркивают многие местные жители, — Певческое поле.

> Вы увидите это знаменитое Певческое поле. Там не только в прошлом веке, в XX, но и в XIX... там устраивались знаменитые песенные праздники. А Финляндия, она вообще знаменита тем, что у них культура хорового пения, именно академического пения. ‹...› И у них культура академического пения — она испокон веков переходит. ‹...› Поэтому певческие праздники, они и сейчас в Финляндии проводятся. И на нашем Певческом поле знаменитом все это было[28].

Кроме того, на рубеже XIX–XX веков развитие происходит и в сфере экономики: в Сортавале возникают представительства сразу нескольких банков[29]: Объединенного банка Северных стран (ныне в этом здании располагается почтовое отделение), Финского Банка (ныне Банк России)[30].

[28] Ширманов Артур Эдуардович, 1972

[29] Здания банков, спроектированные известным финским архитектором Уно Вернер Ульбергом, — важная городская доминанта. Вместе с другим важным строением — зданием городской администрации — они располагаются на одном пятачке в центральной части города. С ними связана городская легенда: «Где Сбербанк находится — это бывший банк, объединенный банк объединенных наций или что-то такое при Финляндии был. Там находится, получается, сейчас спецслужба наша ФСБ и сам банк находится. Есть легенда о том, что из него идет подземный ход в Госбанк. Да, так что у них подземный ход между собой. Тоннелем соединены. Потому что рядом там, получается, между ними еще находится администрация города — у администрации города тоже есть вход в этот тоннель» [Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988].

[30] См. современный туристический маршрут «Сортавала — город банков» [Сортавальское городское по-

> То есть город, он в этом плане, был город банкиров, город... У нас было очень много банков изначально, такая история, и такой вот культурный в этом плане развитый. Ну, сейчас я уже не помню, но когда нам историю читали, вот почему-то в памяти так осталось, что это вот тут был богатый такой, культурный город[31].

Развитию города и внедрению новых веяний способствовал важный инфраструктурный скачок: завершение в 1894 году строительства железной дороги по направлению Выборг — Сортавала — Йоэнсуу. С этого момента семинария перестает быть главным источником притока людей в город. Начинают активно устанавливаться деловые и культурные связи с другими областями Финляндии: из небольшого провинциального города Сортавала превращается в стратегически важный и динамично развивающийся культурный центр сперва Великого Княжества Финляндского в составе Российской империи, а затем, на короткий срок после 1917 года, как территория независимого Финляндского государства. Будучи частью Финляндии, к началу XX века Сортавала становится проводником различных экономических и культурных инноваций для жителей всего Северного Приладожья.

> В 1871 году в городе появилось уличное освещение — 20 газовых фонарей. В 1874 году началась электрификация города, и в 1906 году на смену газовым фонарям пришли электрические, получавшие энергию от электростанции в Хелюля, а затем в Питкякоски. В декабре 1885 года в Сортавале появились первые телефоны, а в 1888 году была организована первая телефонная компания, обслуживавшая 38 абонентов в городе и пятерых в его окрестностях. В 1910 году в Сортавале один телефон приходился на 14 жителей. Первый водопровод был проведен в Сортавале в 1890 году, но он снабжал водой только учительскую семинарию, больницу и железнодорожную станцию. Общегородской водопровод был обустроен только в 1914–1926 годах. Источником воды стало озеро Хельмиярви, находившееся в шести километрах от города [Пашков 2017: 57–58].

Несмотря на то что события, произошедшие в городе в первой половине XX века, существенно замедлили его развитие, а время перестройки и вовсе повергло город в состояние упадка («До 2014 года в городе не было даже кинотеатра. Рускеала был заброшенным карьером ‹…›. К 2014 году мы подошли в тяжелом состоянии в том плане, что кино нет, цирк уехал, клоуны остались»[32]), события недавних лет (среди прочего включение Ростуризмом Сортавалы и Петрозаводска в «Серебряное ожерелье России» как приоритетных городов Карелии) способствовали стремительным улучшениям в жизни города (реставрация зала Кронида Гоголева, музея Северного Приладожья, усадьбы доктора Винтера, межпоселенческой районной библиотеки, проведение в городах Карелии Дней республики, благоустройство центрального сквера, обновление покрытия федеральной трассы А-121 и пр.).

Вместе с благоустройством актуализируется и столичный дискурс. Сегодня идея «столичности» («Сортавала — столица Северного Приладожья», «Сортавала — культурная столица Карелии») распространяется не только по неофициальным каналам, в том числе, транслируется местными жителями, но и активно продвигается на официальном уровне («На собраниях чиновников так иногда говорят, да [«Столица Северного Приладожья». — Прим.]

селение. Генеральный план].

[31] Луцик Татьяна Анатольевна, 1961.

[32] Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

В газетах пишут и везде. Это среди местных распространено, на собраниях, на заседаниях, посвященных развитию нашего города»[33]). Так, в 2015 году городу Сортавала был присвоен переходящий титул «Новогодней столицы России — 2016» («...сюда приезжал главный Дед Мороз, и все празднества проходили тоже в городе. К этому моменту все дома покрасили, отреставрировали многие дома»[34]), в том же году город вошел в число пяти лауреатов I Всероссийского конкурса «Культурная столица малых городов России — 2015», а в 2021 году Сортавалу признали конькобежной столицей Карелии. Среди туроператоров, отчасти создающих внешнюю репутацию города, Сортавала позиционируется как «Столица карельского туризма», «Вторая столица Карелии».

Сегодня финское и советское прошлое органично встраивается в новое региональное столичное самоопределение. Однако «столичность» Сортавалы не равняется «столичности» таких крупных городов, как Екатеринбург, Казань или Нижний Новгород. Она не приравнивается к большим возможностям, материальному благополучию, быстрому темпу жизни, большим расстояниям, высокому уровню благоустройства городской среды и высокой численности населения. Напротив, Сортавала описывается как неспешная, немноголюдная, созерцательная, природная, уютная — она вбирает в себя лучшие качества, свойственные провинции, одновременно претендуя на такие качества, как европейскость, интеллигентность и даже элитарность, богатую историю, высокий спрос на культуру, поток творческой энергии (недостаток культурных впечатлений в самом городе компенсируется их легкодоступностью в культурном спутнике Санкт-Петербурге, до которого на комфортной «Ласточке» можно доехать за 4 часа), высокоразвитую промышленность и другие атрибуты, сближающие ее с качествами, присущими культурным столицам.

Как показывают исследования по другим городам, столичный дискурс часто формируется посредством брендинга: через целенаправленное создание позитивного образа, культивирование социальных мифов [Тимофеев 2011], направленные во внешнюю среду и формирующие в ней репутацию города. К примеру, Старая Ладога легитимизирует использование термина «неофициальная столица России», транслируя по официальным каналам данные археологических и летописных источников, проводя экскурсии и фестивали, продвигающие историческое прошлое города [Басова 2015]. Столичное позиционирование Сортавалы — преимущественно внутренний текст, который, несмотря на попытки внешней репрезентации, не формирует столичную репутацию места. Идея бренда, кажется, вообще неактуальна в городе, который хоть и живет за счет туристов, но самые популярные и потоковые туристические точки притяжения расположены далеко за его пределами: Валаам, Рускеальские водопады («Для большинства путешественников Сортавала — не более чем “ворота” Валаама»[35]). Если проследить, какими эпитетами характеризуют город туроператоры на официальных каналах, наряду с уже упомянутыми статусами «Столица Северного Приладожья» и «Культурная столица Карелии», мы увидим определения: «уютный», «пограничный», «карельский», «старинный», «древнейший», «небольшой», «европейский», «красивейший», «уникальный», «исторический», «самый старый город Карелии» и др. Однако существенно другую картину рисуют внешние отзывы путешественников,

[33] Чалых Василий Сергеевич, 1993.

[34] Чалых Василий Сергеевич, 1993.

[35] https://varandej.livejournal.com/257171.html

которые имеют дело не с исторической памятью о месте, формирующей столичный образ у его жителей, а с его провинциальным неблагоустроенным настоящим (отзывы за 2021 год):

> Сам город в упадке в плане благоустройства, что в целом неудивительно и является проблемой большинства провинций[36]

> Ставлю пять звезд за невероятно красивую природу! Сам город выглядит убого[37]

> Самый печальный город, который мы когда-либо посещали... Неужели нельзя привести его хоть немного в порядок, если везут такое количество туристов?[38]

> Интересный городок, но неухоженный[39]

> ...маленький провинциальный городишко с поистине великолепной природой[40]

> ...оставивший несколько грустное впечатление. Красивый и некогда очень аккуратный карело-финский город, которому волею исторических судеб не повезло оказаться на российской земле...[41]

Как видно, репутация города в текстах «местного производства» и во «внешних» суждениях существенно отличается. В отличие от других «столичных» городов, репрезентирующих вовне свое столичное самоопределение, в Сортавале оно является результатом внутреннего осмысления собственного прошлого, которое лишь недавно объединило в себе память двух эпох: финской и советской[42]. Итого, мы имеем две амбивалентные категории: провинциальность на уровне благоустройства, столичность в самоощущении и потенциале, заложенном исторически.

Финское наследие

Сортавала — российский город с инкорпорированным финским прошлым, которое формирует едва ли не самую важную часть идентичности сортавальцев, наиболее значимое отличительное свойство города — как по сравнению с другими городами России, так и по сравнению со многими карельскими регионами. В проведенных нами интервью горожане так или иначе отмечают эту «финскость» — как местный колорит, привычные и любимые с детства виды и названия, как интересную неотъемлемую часть местной — и в какой-то степени своей — истории.

К финскому прошлому Сортавалы относится вся застройка центральной части города (в СМИ город нередко называют «Малой архитектурной энциклопедией Финляндии»), практически полностью сохранившаяся с довоенного времени, городская планировка с характерными треугольными площадями Вяйнямёйнена и Кирова («Эти треугольные площади — они меня просто с ума сводили! Как же так — единственный город, где

[36] https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews
[37] https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews
[38] https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews
[39] https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews
[40] https://www.alem-tour.ru/rasskazy-turistov/trehdnevnoe-puteshestvie-v-sortavala/
[41] https://dibazollll.livejournal.com/45452.html
[42] В отличие от Старой Ладоги столичное самоопределение в Касимове «ретушировано и сохраняется преимущественно в слоях городской интеллигенции и татарском этническом меньшинстве» [Окунев, Басова 2016].

площадь треугольная, а тут они почти все такие»[43]), финское кладбище и захоронение финских воинов в центре, между улицами Горького, Антикайнена и Кирова. Историческая финская застройка, пожалуй, представляет собой и главную достопримечательность города — «малой родины архитектуры финской»[44]: наиболее примечательные дома, спроектированные финскими архитекторами, перечислены во множестве путеводителей и непременно включаются в маршрут экскурсий по городу (здание Объединенного банка Северных стран и Дом Леандера на ул. Карельской, Банк Финляндии на ул. Вяйнямёйнена, дом купца Ивана Сийтонена на ул. Кирова и др.). Эти дома определяют облик центральной части города — по этому признаку Сортавалу часто сравнивают, например, с Выборгом, где также довольно много памятников архитектуры, относящихся к северному модерну.

> Первая моя европейская страна — это Германия, у меня ассоциация с ней именно. А так вот действительно здесь именно европейские улочки некоторые, вот бродишь — как будто... Забываешь даже. Я помню, когда самый первый раз приехала сюда, это был третий курс в университете, и мы приехали, приезжали просто студентами, поехали на Валаам. И идем по улицам, а приехали в это же время финны. То есть 7 утра — и идут по улице только финны. Мы такие думаем: куда мы попали, здесь что, действительно финский город? И они идут, громко по улице разговаривают, причем это было 7 утра — они шли после ночного клуба, пели свои песни на финском языке[45].

> Многие приезжают, те, кто архитектурой увлекается. Даже вот финны, границы когда открылись, сюда приехали архитекторы, и здесь была такая малая родина архитектуры финской, что ли. Потому что тут в одном городе много всяких стилей. Так как финны, они же все равно перестраивают дома постоянно — у них вот там есть города, которые, ну, они современные. То есть тот же Йоэнсуу — дома постоянно перестраиваются, деревянные там. А у нас тут все деревянное и много стилей[46].

Многое во внутреннем устройстве домов — от саун в подвалах до планировок квартир и конструкционных особенностей кровли и т. п. — описывается как финское, нередко маркированное знаком качества (например, финские сауны, которые стали использовать как русские бани; кровля и водосток, функциональность которых испортил новый городской капремонт) («У финнов специальный бронзово-чугунный сплав был отопительной системы. Они были очень тяжелые. Мы работали в финском здании тоже — он не ржавеет, вода чистая. Вот сейчас вода в городе очень плохая, а у них была эта система»[47]). Финская утварь, оставленная ушедшими прежними хозяевами, нередко бережно хранится, иногда остается объектом детского интереса («...я помню этот большой утюг тяжеленный, то есть вот это почему-то я помню, сундук такой интересный, вот, рушники какие-то там такие»[48]). А в некоторых историях крупицы сохранившегося финского прошлого становятся своего рода осколками «затонувшей Атлантиды».

[43] Хямяляйнен Нина Николаевна, 1938.
[44] Рыстов Виталий, 1961.
[45] Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.
[46] Машигина Анна, 1987.
[47] Перминова Елена Анатольевна, 1970.
[48] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

...отец мне рассказывал, что если поедете на Риеккалансаари через мост, через паром, там будет два таких островочка, ну, то три, то два, в зависимости от уровня воды, — вот на этих островочках стояли дома, и из этих домов не успели все вывезти, и отец рассказывал, что они переплывали мальчишками на эти дома и собирали там стеклышки, которые были разбиты. Бабушка говорила, что когда наши пришли в город, он как картинка был — все было витражное стекло, все вот это[49].

Финские кладбища в советские годы представляли собой заброшенную территорию, которая функционировала как типичный неблагоустроенный парк: для детей это было местом собраний, игр, источником страхов перед лежащими в склепах «финнами»; здесь выгуливали собак и собирались для распития алкоголя, и т. д.

Ой, у нас такое было финское кладбище. Это в Питкярантском районе финское кладбище было. Ой, и вот это вот, конечно — кидать камни, искать, где гробы. [Кидать камни?] Ну, вот идешь, камень бросаешь, если глухой звук — скала, значит, там гроб. Мы туда цветы носили. Кошек хоронили, собак, естественно, мышей, мух, вот это, похороны устраивали. ‹...› И самые смелые — ну, дураки, господи, как, ну, их жизнь наказала — выкапывали, конечно, гробы. Я помню кости эти оранжевые такие, вот прям...[50]

Отношение к кладбищу начало меняться после перестройки, когда в Сортавалу стали приезжать финны или потомки тех финнов, которые покинули город перед приходом советских войск. Актуализация финского кладбища именно как места поминания подтолкнула посетителей к соблюдению соответствующих предписаний и запретов: «Дак рядом эта финская такая большая могилка-то: все тоже обложено, написано по-фински. Ну вот, мы в другой раз тоже идем, тоже посыпем, тоже положим там че-то. Конфетку и бросишь, скажешь: “Земля пухом”, да и пошла: “Земля вам пухом”» [Мельникова 2019: 21].

Еще одна важная составляющая финского наследия в городе — его топонимы, лишь отчасти измененные в советское время. Однако наиболее ярким маркером «финскости» территории является актуальная и для многих болезненная дискуссия[51], поделившая город на два фронта: нужно или не нужно склонять название города («Живу в Сортавала», вместо «Живу в Сортавале»). Дискуссия эта вдвойне примечательна, если рассматривать ее на фоне других финских и карельских названий городов Карелии, склонение которых не вызывает таких бурных споров (Кондопога, Костомукша, Лахденпохья, Питкяранта).

История в том, что у нас финские топонимы. С одной стороны, я — приверженец истории о том, что их надо склонять. Ну, существуют правила, по которым мы их склоняем, а многие считают их финскими, и финские названия нельзя склонять. Причем доходит до абсурда, когда я приезжаю в Питкяранту, познакомился с девушкой, и Сортавала не склоняют, а Питкяранту при этом склоняют. Это очень парадоксально, хотя они подвержены одному правилу. У нас всегда очень большие споры, когда приезжает турист или чиновник пишет. Вроде новость красивая, позитивная, всем понравилась, но стоит ему просклонять название города, тут же десяток комментариев на эту тему, и все забывают про то, что написано вообще. Это местная больная тема[52].

[49] Перминова Елена Анатольевна, 1970.

[50] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

[51] Некоторые собеседники откровенно замечали, что им «режет слух» наша «пришлая» манера склонять слово Сортавала; иногда советовали быть аккуратными, так как в некоторых сообществах такое произношение может вызвать негативную реакцию.

[52] Чалых Василий Сергеевич, 1993.



Илл. 2. Карельский мост через залив Вакколахти, снятый в первый день экспедиции, по дороге с железнодорожного вокзала к гостинице в центральной части города. Фото: Эста Матвеева

Помимо богатой финской архитектуры, советская Сортавала наследовала традиции финского городского озеленения и чистоплотности, которые успешно компенсировали обилие промышленных предприятий в городе и не позволили ему превратиться в индустриальную периферию.

А вот про эти деревья знаете? Это финская селекция — скрещены береза с черемухой. Получается, финны — Сортавала был город курортный, и деревья нужны были необычные, — вот они что-то такое придумали[53].

И у нас, где сейчас фонтан, там тоже был фонтан, в этих скверах было столько роз. Вы не поверите. Все утопало в цветах. Весь город[54].

У нас был комбинат озеленения. Я так понимаю, там около 40 человек работали постоянно, круглый год, а не абы когда. Для того чтобы в городе были цветы, деревья, кусты правильно росли, все правильно поливалось[55].

В воспоминаниях переселенцев о послевоенной Сортавале 1940-х годов из архивов местного краеведческого музея прослеживается та же идея.

Страшно было переплавляться на тот берег. Поборовшись со страхом, переправились. А там… красота! Такой красивой природы Фаина никогда не видела: «Аж дух захватывал!». По дороге деревья с обеих сторон, цвела черника[56].

[53] Перминова Елена Анатольевна, 1970.
[54] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.
[55] Перминова Елена Анатольевна, 1970.
[56] Воспоминания Дориной Фаины Васильевны, 1931. Переехала в Сортавалу в 1946 году из Вологодской области. Архив краеведческого музея. [http://museum-sortavala.ru/vazhno.html]

Каким я помню город Сортавала? Зеленый, идеально чистый[57].

В беседах с рассказчиками родом из Сортавалы, чье детство и молодость пришлись на 1970–1980-е годы, мотив исключительной чистоты («чистейший», «идеальная чистота», «ни одной пылинки» и пр.) городского пространства в этот период встречается повсеместно.

Город был чистый, ходили военные патрули. Утром идешь на поезд — в 6 утра у тебя все в дворниках, все намыто, все начищено. Моя мама выходила в город, у нее была специальная тряпочка — мы жили за городом — она выходила, туфельки натирала, и ни одной пылинки не было. ‹…› Я все мечтала, что приедет Брежнев. Меня волновало, что где-то асфальта там не было. Но по сравнению с тем, что сейчас, я не понимала, с чем сравнивать[58].

И вот я помню, что Петрозаводск по сравнению с Сортавала, он хуже был. Не в плане людей или что-то, а в плане чистоты. ‹…› И он был просто чистейший. У меня такая ассоциация была, когда я в Минск приезжала, утром рано и шла, я просто обожала с вокзала идти, там бабушки подметали вениками проспект. Вот в мою молодость так было в городе. Эти дворники, которые метут, убирают. Это была просто идеальная чистота[59].

У меня есть воспоминания такие, когда я была студенткой в пединституте, все друзья, которых я возила сюда в гости, говорили: «Какой чистый город». И это правда. У нас был чистейший город в советское время. Он был весь в цветах[60].

Среди наших собеседников много тех, кто переехал в город 1960—1970-е годы из других районов республики и других регионов России (зачастую из деревень). Описывая свои первые впечатления о городе, они используют те же характеристики: обилие урн, свежий воздух, грибы, растущие в черте города, цветы, вода и зелень.

И вот мы купили мороженое — ну, что, а так как я в деревне росла, у меня же не было этих привычек, урн и так далее. И, естественно, первое движение — я хотела выбросить фантик от мороженого на пол, ну, там на асфальт. И когда я посмотрела, меня поразила такая чистота — вот настолько это был чистый такой город, ни пылинки, ни бумажки. И я помню, я вот с этой бумажкой в руках прошла по всему городу — я не знала, куда ее выкинуть, как и что. То есть вот у меня такое, допустим, было яркое впечатление об этом. Ну, и город, конечно, поразил тем, что вот он… маленький, чистый и уютный. Вообще вот он не такой, как сейчас[61].

Я стою на остановке [напротив гостиницы «Ладога»] и голову наклонила — а тут гриб растет. За заборчик маленький заглянула — а там еще три гриба. Это просто в городе — город был чистый. Но совершенно не цивилизованный. Но все равно тут было хорошо, дышалось хорошо. Меня вода поразила [*смеется*][62].

Совсем молоденькая была тогда. Сюда-то приехала — здесь, ой, мне как город понравился. Вот такой скандинавский ‹…›. И я приехала — ой, здесь и палисаднички,

[57] Воспоминания Куликова Александра Дмитриевича, 1929. Переехал в Сортавалу из Кеми в 1940 году, вернулся в 1945 году. Архив краеведческого музея. [http://museum-sortavala.ru/vazhno.html]

[58] Перминова Елена Анатольевна, 1970.

[59] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

[60] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

[61] Луцик Татьяна Анатольевна, 1961. Переехала в город из Нижнего Тагила в раннем возрасте вместе с матерью.

[62] Хямяляйнен Нина Николаевна, 1938. Переехала в город с Урала из глухой деревни под Нижним Тагилом (село Кайгородка) после окончания Сталинградского института физической культуры.

грязи вообще такой не было, как сейчас у нас. ‹...› Лето, красота — все тут цвело, все подстрижено, скамеечки везде, урночки — ой, вообще город был обалденной красоты[63].

Здесь важно заметить, что принятие финского наследства советскими гражданами происходило не всегда сразу и не всегда легко. Несмотря на благоприятные условия, которые государство старалось обеспечить прибывшим гражданам, процесс адаптации был осложнен совершенно незнакомыми им условиями финского быта: «...мигранты часто не знали, как обращаться с доставшейся им инфраструктурой. Она отвечала тогдашним требованиям европейских стандартов, но совсем не вписывалась в привычный уклад жизни переселенцев» [Изотов 2008-1: 180]). Однако со временем незнакомый уклад органично встраивается в новую повседневность и новую историю, которую вынуждены были для себя создавать с нуля новопоселенцы. В этой парадигме практически не получает выражения конфликтный потенциал, который, казалось бы, должен быть заложен исторически (война, насильственное переселение). Государственный конфликт не равен конфликту частному, иными словами, новая жизнь на чужой земле не становится проблемой из-за отсутствия выбора у переселенцев.

Я так понимаю, что у них выбора... Раньше же как было: раньше же не было выбора — вот сказали и... Это, наверное, с одной стороны, хорошо — человек ведь ко всему приспосабливается. ‹...› Вот, наверное, все-таки хорошо, когда у человека есть ответственность, что ты должен стране как-то помочь там или... ну, не знаю[64].

В этом частном, а не государственном дискурсе чужая земля не «отвоеванная», не «отобранная», а заботливо «подаренная». Этот мотив прослеживается в воспоминаниях о том, какой переселенцев встретила их новая земля — красивая и ухоженная, полностью готовая к жизни, с еще не остывшими следами ушедших владельцев (мотив, который в разных вариантах появлялся почти в каждом интервью: оставленные чашки с дымящимся кофе, горячая каша / горшки с картошкой на столе, замоченное белье, недоенные коровы, теплые печи, не выкопанная картошка и пр.).

...у меня все время такая вот картинка стояла, что когда наши заходили люди в эти дома, что на столе стояли чашки с кофе, и кофе еще не остыл — он дымился. Вот мне почему-то такой вот образ... Ну, вот, видимо, рассказывали, и вот эта вот картинка, вот в детстве она как-то так вот запечатлелась[65].

Она мне сказала, что когда они приехали, вот обозами или чем они там ехали, паромами, что они прям пришли — и что прям хата была... Ну, хата — вот это слово бабушкино, хата была прибрана, и чуть ли там не белье было замочено и коровы чуть ли не стояли недоены. Но она говорит, что мы приехали в готовый дом, где была идеальная чистота, где были запасы еды[66].

Я просто рассказываю то, что очевидцы говорят — все было брошено. А потом прочитала в журналах исторических, что они брали только самое необходимое. Они не знали, сколько они будут ехать. Как их нагонят или нет. Говорят же, что открывали квартиры, заходили — горшки с кашей горячие[67].

[63] Силкина Алла Михайловна, 1956. Переехала в город в 1975 году по распределению из Петрозаводского училища, родом из деревушки Миккелица в Прионежском районе.

[64] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

[65] Лущик Татьяна Анатольевна, 1961.

[66] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

[67] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

Войска войсками, а сюда надо селить людей, иначе территорию-то не закрепить. И когда люди приезжали и заходили в дома, еще печки теплые стояли. В некоторых домах теплая печка, и горшок еще с картошкой был[68].

Для кого-то этот мотив маркирует невысказанную санкцию на проживание («Жили мы, теперь живите вы»), благородство бывших территориальных противников, которые могли уничтожить, но оставили наследство будущим новопоселенцам.

Многие рассказывали, что приходишь — стоит котел с картошкой. Они уходили, они не выкинули эту картошку, они оставили эту картошку тем людям, которые сюда приедут. Как знак доброй воли, что будете жить в моем доме — как знак гостеприимства[69].

Я не знаю, правда это, неправда, но почему-то вот она постоянно говорила, что они были так благодарны — колодцы — было все продумано. ‹…› Ну, то есть это вот, она говорит: мы вот приехали — не то что они приехали и там начали строить — они приехали и начали жить[70].

Тем не менее существует и другая трактовка того же мотива, объясняющая оставленные следы не актом доброй воли, а верой в скорое возвращение.

В 1939-м году они пришли, в 1940-м — они ушли. Когда русские в 1939-м пришли, финны ничего не увозили, они знали, что вернутся, они были уверены в этом. Когда в 1940-ом, 1941-м наших опять погнали, то нашим дали 2 часа что ли людям. Телеги по этой улице шли, а здесь, на этих местах, сидели автоматчики и пулеметчики. Они их провожали, и неизвестно, когда будет дана команда «Огонь»[71].

Ну, они же стихийно в 1944 году… Они же практически от горячих печей. Ну, варили, например. Война-то шла, и шли такие сильные бои. Я так понимаю, что они до последнего были уверены, что они никогда не отдадут этот город[72].

Стоит заметить, что не все истории повествуют о сохранности покинутого имущества и благородстве беженцев; редкие, но встречающиеся в наших интервью нарративы, напротив, рисуют финнов мстительными и жестокими. Е. Мельникова, ссылаясь на архивную работу В. Макаровой, говорит о вариациях на тему страха перед финнами, а именно наиболее частых мотивах этих рассказов: «финны, приходившие в свои дома», «спрятанные продукты», «клады» [Мельникова 2009: 9].

И люди просто оставляли здесь целые дома, хутора, многие закапывали свое имущество и партизанскими тропами уходили в Финляндию, а потом этими же тропами возвращались, могли даже убивать русских, которых заселяли в эти дома. Ну, то есть просто в качестве мести. Забирали свое имущество обратно и его уносили через границу спустя год или полгода[73].

Финны по-разному уходили. Кто-то хотел напакостить. Были такие случаи, что резали скот и забивали колодец битым скотом[74].

[68] Аноним, м., 1965.
[69] Аноним, м., 1965.
[70] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.
[71] Перминова Елена Анатольевна, 1970.
[72] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.
[73] Бюлер Валерия Евгеньевна, 1993.
[74] Аноним, м., 1965.

Однако, как известно, не все финны покинули завоеванную территорию; были и те, кто вопреки всему («...по рассказам, когда финны отсюда уходили, была пропаганда, что придут русские, будут резать, убивать, насиловать, чтобы люди снимались и уходили»[75]) решили остаться. Сегодня их количество составляет не более 3% всего населения Сортавальского района.

Знаю, что после 1945 года многие финны, которые имели финские фамилии, меняли свои фамилии на русские. Мой папа тоже шутил «Я Юра Тимощенко, а если придут финны, я буду Юрва Тиммонен[76].

Финны не все ушли с территории. Многие остались. У меня допустим, братья и сестры двоюродные, которые здесь живут в Сортавала — они финны полностью. У них фамилия Повилайнен. Какие-то семьи оставались. Ну, не захотели бросать свою родную землю[77].

...когда, я так понимаю, что во время войны наступала Красная армия, вот, и в 24 часа нужно было всем финнам убраться из города, мой прадед собрался уходить, а прабабушка моя, Хелья, с детьми, сказала, что она не бросит свое хозяйство и она никуда не пойдет. Вот. И он ей пообещал, что он устроится в Финляндии и за ней вернется. ‹...› Бабушка, прабабушка моя до конца своих дней терпеть не могла русскую речь. Она, в основном, по-фински разговаривала, дети все знали финский язык. Очень переживала, что ее бросил муж и что у нее жизнь такая[78].

Одна из крупнейших исследовательниц города Екатерина Мельникова отмечает: «Представление о том, что финская история Приладожья была его "золотым веком" вполне типично для местной интеллигенции», более того, «ностальгический нарратив об уходе "золотого века" и утрате территорией своей культуры стал основной интерпретативной рамкой для репрезентации истории края» [Мельникова 2015: 24—29]. В рассказах наших собеседников эта мысль находит подтверждение: воспоминания об утерянном благополучии городской среды приобретают характер ностальгических нарративов об утерянном финском наследии, которое удавалось сохранять советским переселенцам, но оказалось совершенно забытым в современной Сортавале.

...отношение, конечно, несколько другое сейчас к порядку, к чистоте, чем тогда было. Там каждая улица была прикреплена, работничек утром в пять утра выходил, все подбирал — окурочки, значит, или что, листики осенью, выметал все чистенько, хорошо. А сейчас мы утром идем — никто ничего не подмел, никто ничего не убрал, что накидали, что набросали там, значит. Потом, если тракторок пройдет, значит, вычистит, то хорошо, зимой снежок выкинет, а так...[79]

...я нашла высказывание одного из бургомистров, который пишет, что город был настолько опрятненький, чистый, с красивой архитектурой, что у меня никогда как у бургомистра не было к местным жителям замечаний, в каком порядке они его содержали. Город содержали жители, которые проживали, они отвечали за чистоту. Это было их, а они воплощали их мечты[80].

[75] Аноним, м., 1965.
[76] Аноним, м., 1965.
[77] Аноним, м., 1965.
[78] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.
[79] Гюттуев Иван Михайлович, 1938.
[80] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

Чем глубже я в историю города погружаюсь, тем больше я понимаю, как финны город любили. Не потому что я поклонница финнов, нет. Я просто понимаю, как нужно нам поменять менталитет. Нам нужно любить город. Просто не бросать фантики, и все элементарно. А то бывают такие ситуации, весной особенно, у меня экскурсию заказывают по городу, и я с внучкой иду со старшей и убираю мусор по тому пути, по которому пройдем. Ну, на другой день идешь — опять все в мусоре[81].

Сегодня эта особенность формирует противоречие — своего рода проблему идентичности: где мы — в России или в Европе? Хотя на этот вопрос каждый отвечает по-своему, материальное наследие, доставшееся переселенцам от прошлых хозяев, безусловно, формирует особое понимание того, что такое Сортавала и кто такой сортавалец.

У людей постоянно сравнивается жизнь в Финляндии и в России, и в принципе ведется такая идеологическая борьба по поводу того, что почему Сортавала все-таки русский город, а не финский, вот если бы мы жили в Финляндии, то было бы гораздо лучше[82].

Самый европейский город Карелии

В конце XIX века Финляндия по уровню жизни была самой высокоразвитой частью Российской империи. Это касалось и уровня жизни и общей грамотности финского населения, которое среди 14 крупнейших народов России в этом отношении занимало первое место [Пашков 2017: 56]. Сортавала, входившая в состав Восточной Финляндии в период своего интенсивного развития, сохранила часть этого прошлого, благодаря которому до сих пор ощущается местными жителями как самый европейский город Карелии, с наибольшим количеством сохранившихся финских памятников архитектуры[83].

Во-первых, наш город, он ближе к европейскому. Вот даже приезжают когда из Петрозаводска, вроде бы Петрозаводск — столица. И они все: ах, какой у вас город — мы попали в Европу! Начинают бегать-прыгать, фотографировать. Ну, я думаю, что и культура. То есть Сортавала, он всегда был на уровень выше по культуре[84].

Конечно, ну, на мой взгляд, это наиболее такой колоритный город [в Карелии]. Ну, как бы все имеют свою уникальность и так далее, но он наиболее как бы такой яркий в плане, что в нем очень много собрано — и исторических, так сказать, моментов, и культуры и искусства, там, и...[85]

Однако, если хорошо сохранившееся в городе финское архитектурное наследие выделяет его на фоне других карельских территорий, качество городской среды, а вместе с тем и развитие культуры в городе с довоенных времен претерпело значительные изменения не в лучшую сторону. Тем не менее наши собеседники считают, что тенденция последних лет (поддерживаются инициативные проекты, развиваются творческое и интеллектуальные сообщества, проводятся крупные мероприятия и т. д.) возвращает городу право называться культурной столицей Карелии.

[81] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.
[82] Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.
[83] Чалых Василий Сергеевич, 1993.
[84] Луцик Татьяна Анатольевна, 1961.
[85] Рыстов Виталий, 1961.

И когда меня спрашивают мои однокурсники: ты в Сортавала живешь? Блин, так у вас же там такая движуха! Я говорю: да кто движуху делает — мы делаем движуху! [*Смеется.*] Ой, слушай, мы, говорит, у вас будем в Сортавала, в Сортавала к вам приедем на фестиваль — блин, можно там у вас остановиться? Я говорю: конечно, да, потому что действительно движуха. И жить в Сортавала — это не стыдно[86].

Постоянно привозят сюда какие-то крупные события в последнее время, то есть ралли, гонки какие-то. «Северный лес», баха (официально признанная разновидность ралли-рейда — *Э. М.*) — это гонки, именно мировой этап, и он проходит здесь[87].

В этом отношении Сортавала противопоставляется официальной столице — Петрозаводску, как Санкт-Петербург и его культурно-историческое наследие противопоставляется Москве («Санкт-Петербург — культурная столица России», «Сортавала — культурная столица Карелии»).

Мне так казалось, мы ближе к Питеру были... Ну, это мое восприятие. [*Смеется.*] Там какие-то все более деревенские, а мы, сортавальцы, более развитые[88].

Вообще Сортавала, наверное, в Карелии мой самый любимый город, потому что он более передовой. У нас есть своя история. В Петрозаводске история своя, у них там история молодая, а у нас город считался всегда как город-курорт. У нас же считался и у финнов тоже город-курорт. Мы жили на Ладоге, у нас немножечко мягче люди, добрее, интереснее история — у каждой там семьи своя история была. Мне кажется, что наш город более интересен. Ну, у каждого города своя, наверное, песня, но у нас своя вот такая. Мы никогда не делили на города, но тем не менее...[89]

Связь с Северной столицей России прослеживается и в плане миграционных потоков[90]. Большая часть молодого населения предпочитает переезд в Санкт-Петербург учебе в Петрозаводске, который не воспринимает как улучшение жизненных условий («...если сравнивать начинать с Петрозаводском, который является столицей Карелии, то мы-то гораздо ближе к Петербургу, начинаем говорить: мы ближе к Финляндии, у нас возможностей гораздо больше»[91]). Нередки и случаи, когда Сортавала становится новым местом жительства бывших петербуржцев («Хотя, с другой стороны, очень многие петербуржцы переезжают — продают все имущество в Петербурге и здесь настолько хорошо укореняются»[92]).

Увидев Сортавалу впервые в 1993 году, я очень полюбил ее. И, устав от жизни в мегаполисе, вознамерился поселиться в (тогда еще!) тихом, уютном прибрежном городке. К тому же были прагматические причины. Близость к сезонной работе и невысокая по сравнению с Петербургом стоимость жилья. На полученную в наследство от отца комнату я приобрел новый русский автомобиль, джинсовое пальто и двухкомнатную квартиру в центре Сортавалы, в историческом Доме Леандера 1890 года постройки[93].

[86] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.
[87] Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.
[88] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.
[89] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.
[90] Этим процессам способствует и налаженное за последние годы транспортное сообщение между городами.
[91] Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.
[92] Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.
[93] Путешествие из Петербурга в Сердоболь. Интервью с жителем Сортавалы Виталием Рыстовым для газеты «Версия» [https://neva.versia.ru/kraeved-vitalij-rystov-o-slavnom-proshlom-i-slozhnom-nastoyashhem-karelskoj-sortavaly]

Вместе с тем Сортавала противопоставляется не только Петрозаводску, как официальной столице Карелии, но и другим районам республики (Лахденпохский, Питкярантский, Олонецкий и др.), преимущество над которыми ощущается и в плане культуры, и в плане развития городской инфраструктуры, а порой описывается в категориях «элитарности»:

> Вот мы, мое детство, мы считали себя элитой. [*Смеется.*] Мое окружение — я не говорю про всех, я говорю: мы считали, что мы — элита. Вот Ландохи там, Питкяранта — ой, это вот они там, а вот мы — вот да, вот мы крутые, мы элита, мы Сортавала. Мы гордились, что мы из Сортавала[94].

> Ну, у нас здесь, в Сортавала, остались какие-то дома, финские сооружения — ну, какие-то вот природные объекты больше, не знаю, выход на Валаам, ну, в Ладогу. Ну, как бы и с других есть этот выход. Но у нас более систематизировано, что ли. Поезд к нам ходит, автобусное сообщение. В Питкяранта нету поезда до сих пор. То есть он был — его перестали[95].

Элитарное наследие

Идея элитарности сортавальцев и территории их проживания прослеживается и в исторических переселенческих нарративах. Она развивается в двух направлениях. С одной стороны, информация о высоком уровне жизни на бывших финских территориях, перешедших в пользование советских граждан, подкрепляется историями первых переселенцев. Одну из таких приводит С.Г. Веригин, публикуя воспоминания дочери переселенцев из Белоруссии в поселок Лахденкюля в Сортавальском районе.

> В Карелии белый хлеб был на столе достаточно часто. Лучше и разнообразнее стала пища, поскольку было личное подсобное хозяйство: возделывали огород и держали скот. Не случайно после окончания Великой Отечественной войны эвакуированное из Северо-Западного Приладожья белорусское население активно стремилось вернуться в места довоенного вселения. Сделать это было непросто, поскольку местные власти в районах эвакуации, испытывая нехватку рабочих рук, всячески стремились оставить эвакуированных у себя. Мои родные с трудом вернулись в д. Лахденкюля из эвакуации из Кировской области в мае 1945 года [Веригин 2017: 47].

Из описания видно, что во многом принудительное переселение, преследующее прежде всего не частные, а государственные интересы, согласно которым необходимо было в срочном порядке заселять территории, находящиеся в спорном статусе («Утвердить свои позиции на "трофейных" территориях, какими стали бывшие финские земли, ‹…› можно было через заселение этих территорий советскими жителями, освоение и включение природных богатств в единый народно-хозяйственный комплекс Советского Союза» [Большакова 2009: 39]), воспринималось не как ссылка, а как улучшение жизненных условий.

С другой стороны, идея элитарности города трактуется не только через его довоенное финское прошлое. В процесс формирования современного городского общества интегрируется и советское прошлое, а

[94] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

[95] Машигина Анна, 1987.

именно — высококачественные разноплановые специалисты, которые наравне с выходцами из деревень были отправлены государством развивать новоприсоединенные советские территории.

> Мы почему-то всегда считали, что мы более продвинутые были. Возможно, потому, что город заселили довольно-таки грамотные люди в свое время. То есть вот эти все Питкяранта, Лахденпохья, Хелюля, ну, Хелюля — наверное, это все-таки поселки. Мы считали, что это немножечко другой уровень жизни какой-то, может быть, другой уровень развития. ‹...› Мне почему-то казалось, что сортавальцы более грамотные, более развитые, более модные[96].

Заложенный в довоенный период финнами высокий уровень жизни, условия, которые государство стремилось создать для формирования нового советского общества, географические и природные особенности места, — все это привлекало в город не только специалистов в сфере сельского хозяйства и развитой в советское время промышленной индустрии. Сложившаяся у города репутация сделала из него «магнит» также и для творческой интеллигенции.

> Здесь движуха какая-то, здесь уровень определенный есть. ‹...› Здесь, наверное, просто заложено — все-таки здесь такие люди всю жизнь жили в городе, да — мыслители, поэты, врачи, основатели каких-то течений философских, да, ну, я... Ну, вот понимаете, о ком я говорю, да. То есть здесь, наверное, как-то магнит какой-то есть вот именно для творческих людей, которые могут воплощать какие-то идеи, которые, я опять-таки возвращаюсь, нельзя воплотить в большом городе в суете[97].

Промышленность

Очередным фактором, послужившим формированию идеи исключительности, элитарности и в некоторой степени столичной самодостаточности, стало богатое промышленное прошлое города.

> Наверное, может быть, потому что мы были знамениты — СМЛК, мебельно-лыжный комбинат, он гремел на весь мир: эти лыжи, эти клюшки, эта мебель, она же везде была. Рыбозавод у нас был шикарнейший. У нас в городе было все. У нас были совхозы знаменитейшие, у нас Герои Социалистического труда совхозами руководили, понимаете? У нас такое довольно-таки было мощное хозяйство в самом городе и за городом. Швейная фабрика, которая шила на всю Россию, и за границу даже продавали. У нас мясокомбинат — шикарнейшие колбасы. Я просто вспоминаю свое детство — у нас было в городе все местное. Молокозавод — мороженое шикарное, молоко, сметана. Пивзавод — пиво, лимонады шикарные, шикарнейшие просто, понимаете? То есть все было свое[98].

Промышленная история Сортавалы начинается еще при шведах, которые в первой половине XVII века открыли на территории современного поселка Рускеала каменоломню. Сортавальский мрамор активно использовался при строительстве Санкт-Петербурга: Исаакиевский собор, полы Казанского собора, фасад Михайловского замка, подоконники Эрмитажа («Посмотрели колоколообразный, отлитый в 1862 году в Петербурге памятник "Тысячелетие России" на пьедестале из сердобольского гранита

[96] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.
[97] Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.
[98] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

(сейчас — сортавальского — г. Сортавала в Советской Карелии), работы художника Микешина...»[99]), к XX веку камень отправляется на строительство финских городов (Сберегательный банк в Хельсинки) и участвует в строительстве самой Сортавалы (городская больница и местный ресторан). С 1960-х годов продукция завода отправляется по всему СССР (рускеальским камнем были облицованы станции метро «Приморская» и «Ладожская» в Санкт-Петербурге, павильоны ВДНХ в Москве и пр.) [Борисов 2010]. Несмотря на то что в 1990-е годы добыча сходит на нет (сегодня город выполняет лишь небольшие заказы на производство щебня), из промышленного центра каменоломни превращаются в туристический центр — на месте карьеров местный предприниматель построил одну из главных современных достопримечательностей города — горный парк «Рускеала».

> «Рускеала», горный парк, рядышком, и тут, считай, центральное такое место в Карелии, которое притягивает туристов. Потому что есть остров Кижи, куда многие хотят попасть, и горный парк «Рускеала»[100].

Двумя столетиями позже, в один год с открытием учительской семинарии (1881), в городе была организована небольшая частная мастерская. На ее базе уже в советское послевоенное время (1958) вырастает Сортавальский мебельно-лыжный комбинат, ставший впоследствии своего рода промышленным брендом города[101]. Несмотря на широкий ассортимент, популярность на весь Советский Союз заводу принесли именно сортавальские лыжи «Карелия» с маркировкой СМЛК. Первым общественным признанием был крупный спецзаказ от сборной РСФСР, при том, что лыжи на тот момент производились в четырех крупных центрах: Ленинграде, Таллине, Кирове и Львове. Кроме прочих, одним из крупных заказчиков становится Советская армия. Доходит до того, что продукцию СМЛК начинают сравнивать с лучшими в мире лыжами финской фирмы «Ярвинен» и лыжами таллиннской фабрики «Динамо» [Бренды Советской Карелии].

> Вообще, в советское время город был очень цветущий. Даже в плане экономики. Если говорить, у нас была очень хорошая промышленность. Мебельно-лыжный комбинат, знаменитый на всю Россию. Лыжи и клюшки. Я все время говорю, что нашими клюшками играла сборная Советского Союза по хоккею. Это вам не чихнуть![102]

> У нас было 13 предприятий, начиная с мебельно-лыжного комбината Сортавальского — классные лыжи производили, мирового уровня лыжи производили, более 2000 работников было на одном предприятии...[103]

> Мы были знамениты — СМЛК, мебельно-лыжный комбинат, он гремел на весь мир, то есть даже эти лыжи, эти клюшки, эта мебель, она же везде была[104].

Сердобольский мрамор и сортавальские лыжи — два символа ушедшей эпохи, сохранившие свое значение в локальном тексте города: первый — отчасти благодаря предпринимателю, воссоздавшему место и оживившему

[99] Дневник Мариэтты Шагинян. Прожито. [https://prozhito.org/]

[100] Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.

[101] Двумя десятилетиями ранее в Петрозаводске была открыта первая в СССР фабрика по производству лыж. Однако после эвакуации на Урал в 1941 году всех специалистов решено было направить на восстановление сортавальского производства, частично разрушенного в военное время.

[102] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

[103] Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

[104] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

память о нем, сделав туристическим брендом, второй — благодаря славному прошлому и накопленному за этот период символическому капиталу, укрепившему связь между городом и качественной продукцией, которую он производит, в головах людей далеко за пределами Карелии («СМЛК — лыжи, мы в Европе гремели!»[105]).

Тем не менее локальный текст знает и менее знаменитые за пределами города, но не менее важные для местных жителей производства, формирующие современные ностальгические нарративы и отчасти особую локальную идентичность поколения горожан, чье детство, молодость и рабочая зрелость пришлись на 1960–1980-е годы.

> Но самые, да, самые хорошие, конечно, у меня воспоминания связаны с детством и с юностью, вот эти [19]70—[19]80-е годы. ‹...› Мы второй город были после Петрозаводска. Потому что Костомукша еще только начинала обороты в [19]70-е, да, Питкяранта — тоже еще это новый город, а Сортавала же, ну, он был основан-то Екатериной II, это старинный город. ‹...› Все было — мы сами себя обеспечивали, сами. ‹...› Все, мы полностью себя: молоко — пожалуйста, племзавод «Сортавальский» — пожалуйста[106].

> Молокозавод, мясокомбинат, пивзавод, рыбозавод, хлебозавод. Все предприятия пищевые были. Они все город снабжали. В этом плане у нас вообще не было никаких проблем. Мы полностью снабжали себя[107].

В беседах о прошлом рассказчики вспоминают: сортавальский рыбозавод, швейную фабрику (она же — валяльная фабрика), Сортавальскую птицефабрику, на месте которой современный предприниматель построил местную достопримечательность — Исторический парк «Бастионъ», книжную типографию «Дом Библии», пивоваренный завод, племсовхоз имени Дзюбенко (Сортавальский молокозавод), зверосовхоз за Риеккалансаари; кроме того, два хлебокомбината, мясокомбинат, асфальтовый завод, кожзавод[108], машиностроительный и металлургический заводы и др.

> Швейная фабрика шила на всю Россию, и за границу даже продавали[109].

> Даже в те времена масштабы Сортавальской швейной фабрики — боже ты мой, но и то это было грандиозно[110].

> А эти все площади, насколько глаз хватает, пустыри — это все стояли огромные курятники — там была птицефабрика. Сортавальская птицефабрика — это было яйцо[111].

> У нас были совхозы с техникой шведской, представляете? Сельскохозяйственная техника на уровне капиталистических стран[112].

[105] Аноним, м., 1960.

[106] Аноним, м., 1960.

[107] Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

[108] Городское пространство сохранило следы промышленного прошлого в том числе и в народной топонимике: «А здесь была развилка, не развилка, а остановка "Кожзавод". Мы еще были маленькие — мы не знали, что такое "кожзавод". Кожзавод да кожзавод. Оказывается, там кожевенная фабрика, и ее по старинке так и называли — "Кожзавод". [А там уже не было, конечно, ничего, да?] Да нет, конечно, при нас уже ничего там не было. Ну, как бы старое название осталось» [Берая Лейла Тенгизовна, 1967].

[109] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

[110] Перминова Елена Анатольевна, 1970.

[111] Перминова Елена Анатольевна, 1970.

[112] Силкина Алла Михайловна, 1956.

Первая ключевая черта этих ностальгических нарративов — фокус на изобилии, которое делает потребление легким, а в некоторых историях доводит эту легкость до крайностей, заставляя задуматься: реальный это факт или ироническая манифестация изобилующего «золотого века».

> ...самое свежее пивцо, вот где магазин, там ресторан «Волна», там, значит, балкон, открытый на всю длину, метров где-то, наверное, 30—40 такой, там столики, стульчики — свежее пиво. Даже в свое время был провод с пивзавода в этот ресторан. Свежее пиво поступало. Вот так[113].

Вторая черта — фокус на исключительном качестве всей производимой в городе и Сортавальском районе продукции. Причем уникальность и конкурентоспособность она сохраняет и за пределами республики — в двух столицах, которым не уступает в плане профессионализма, а в некоторых комментариях наших рассказчиков даже превосходит.

> Вы попробуйте отработать смену на швейной фабрике. У 1000 сорочек зашить манжеты. Швейная фабрика давала такое качество, что если уголки воротника один от другого ниже на 2 миллиметра — это считалось брак. Вот такое было качество. Даже когда ездили в Москву на какие-то выставки, там поражались[114].

> Колбаса делалась, отправлялась в Питер. В городе мало мяса продавалось. Люди садились на паровоз, ехали в Питер, затаривались по полной колбасой и мясом и ехали назад домой со штампом «Сортавальский мясокомбинат»[115].

Репутация советской промышленности в городе была чрезвычайно высока; в некоторых интервью прослеживается заметная конвертация ценностей: если раньше финское прошлое города воспринималось утерянным «золотым веком» с недоступными простому русскому народу технологиями и высокой культурой, к 1990-м годам влияние извне (приграничное сотрудничество) воспринимается уже как нежеланное и ненужное вторжение.

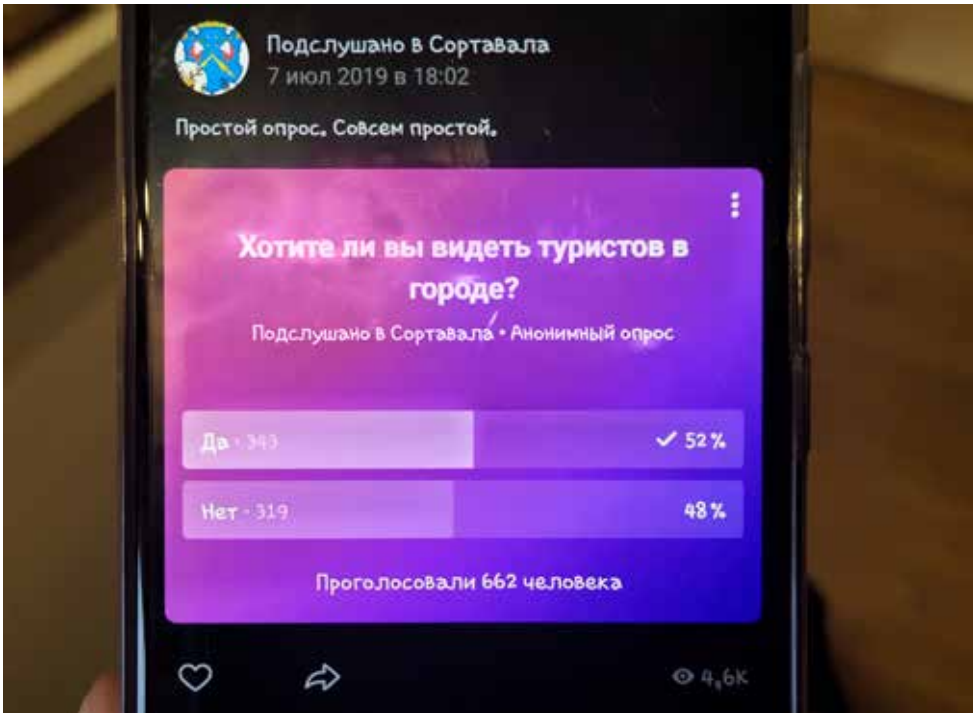
> Что я помню по производству. Пришел этот Горбачев, а перед его приходом фабрика сменила всю технику на японскую. Японские станки с числовым программным управлением. Мама обожала оверлок фирмы Juki. Такая она была замечательная, так хорошо все делала. Я помню эти машины для пришивания пуговиц. Много было таких вещей. Постоянно родители чему-то обучались, постоянно ездили на какие-то курсы. Это нельзя так думать, что сидели. Скребли там что-то, нет — технологии были очень высоки. Ну, и началось это приграничное сотрудничество — сейчас финны придут и нас научат, как шить, как лес растить. Сейчас они все научат. Пришли финны. Развалили все. Единственный цех, который долго существовал, — совместное предприятие — в конце концов и он. С чего началась дружба с финнами — они приказали уничтожить все эти Juki. Были сняты все станки, и бульдозерами были размяты в присутствии финской делегации, что они якобы будут все модернизировать. У меня отец плакал. Он не знал, как эту Juki утащить домой, потому что, представляете, как пахарю свой трактор уничтожить[116].

В связи с этим одним из актуальных вопросов, вызывающих неоднозначную реакцию у горожан, становится вопрос о главенствующем направлении в развитии города: следует ли возрождать прославляемое промышленное советское прошлое или вернуться к финской концепции города-курорта и

[113] Гюттуев Иван Михайлович, 1938.
[114] Перминова Елена Анатольевна, 1970.
[115] Перминова Елена Анатольевна, 1970.
[116] Перминова Елена Анатольевна, 1970.

развивать туристический потенциал места. С одной стороны этой дискуссии — ностальгические нарративы тех, кто застал утраченное советское наследие, с которым, на их взгляд, современность не выдерживает конкуренции, с другой — молодежь и современные предприниматели, для которых это утраченное наследие — рудимент изжившей себя эпохи, не вписывающийся в современные реалии.

> Если сегодня спросить обычного горожанина, нужен ли туризм, почему-то каждый говорит: нужно предприятия, значит, развивать. ‹…› Да, хорошо, берем мы наш местный рыбозавод. Долгое время рыбозавод как государственное предприятие стоял закрытый. Приехали инвесторы, выкупили. Ну, лет десять назад выкупили рыбозавод и настроили линию по изготовлению там крабовых палочек и так далее. ‹…› И вы удивитесь — ведь местное население не пошло работать, людей привозили чуть ли не из Лахденпохского и Питкярантского районов на автобусах. Какие предприятия мы хотим видеть в Сортавала?[117]



Илл. 3. Голосование «Хотите ли вы видеть в городе туристов?» в общественной группе «Подслушано в Сортавала» за 2019 год. В процессе интервью показывает Александр Валентинович Тестов, иллюстрируя актуальную для города дискуссию

Аргументом последних становится тот факт, что еще при финнах Сортавала имела репутацию города-курорта: ее называли «финской Ривьерой» и «карельской Швейцарией» [Изотов 2008-1: 170]. Сегодня Сортавала — второй после Петрозаводска туристический центр Республики Карелия. Кроме того, город участвует в международном туристическом маршруте «Голубая дорога» (от Норвегии через Швецию и Финляндию до карельского города Пудожа). Однако сегодня Сортавала — это прежде всего

[117] Ткачёва Елизавета Владимировна 1973.

территория транзита («Для большинства путешественников Сортавала — не более чем "ворота" Валаама»[118]). Через город проходит транзитный водный путь на Валаам — остров в северной части Ладожского озера, и вместе с тем одно из двух самых приоритетных туристических направлений региона (наряду с более молодой достопримечательностью — горным парком «Рускеала»). Если в воспоминаниях 1970–1980-х годов городской пирс заставлен лодками и катерами местных жителей, то в рассказах, рисующих эту же территорию сегодня, она заставлена туристическими автобусами, быстроходными «Ракетами» и теплоходами, направляющимися на Валаам.

Культ воды и природы

Нарратив об исключительности Сортавалы включает еще один ресурс — географическое положение, которому город обязан не только своим приграничным статусом, но и богатой природой, а в особенности — водным пространствам.

> Вообще у нас очень красиво. ‹…› Думаю: «Боже мой, ну какой он, какой он красавец. Не потому, что не видно людей и грязи. [*Смеется.*] Нет, потому что он реально красивый, красивый. ‹…› …если глобально смотреть, где такую красоту найдешь еще? Природа и обустроенность такая — в гармонии все. В гармонии. И вода, Ладога — Ладога, стихия просто, Ладога, леса[119].

> …мы всегда ценили эту красоту. Я приезжаю, отдыхаю душой, когда куда-то уезжаю, я просто скучаю по своему городу, и я никогда в жизни отсюда, наверное, не смогу уехать. ‹…› Вы знаете, приезжаем мы в Кивач. Ну разве это водопады? Надо — приедьте к нам, съездите на наши водопады[120].

Территория, на которой расположен город, прилегает к северной части Ладожского озера, в связи с чем Сортавала в силу экономического и культурного превосходства над другими городскими центрами региона зовется столицей Северного Приладожья (этот локальный мотив активно используется в городской топонимике: гостиница «Ладога», ресторан «Ладога», газета «Ладога», санаторий «Ладога» и пр.). Помимо Ладоги, Сортавала окружена еще тремя крупными озерами: Хюмпёлянярви, Кармаланярви и самым маленьким — Айранне.

Ключевой мотив воспоминаний о советском прошлом города описывается одной фразой: «Почти в каждой семье был свой катер». Она встречается практически в каждом интервью с теми, кто застал город в период его советского расцвета — в 1970-1980-е годы, — и, как правило, сопровождается рассказами о двух главных городских пирсах (городской пирс у школы № 1, пирс в районе гостиницы «Пийпун Пиха»), буквально заполненных катерами («Казанки» и «Прогресс») и хозяевами, желающими выехать на Ладогу.

> Это был пирс городской. Там стояло офигительное количество лодок — у каждой практически семьи: как сейчас машины есть, а у каждой практически семьи была лодка. Там был у каждой лодки ящик с замком. И вот эти лодки стояли там на привязи — я просто ходила с папой туда. Мы спускались с этой стороны, все женщины и дети, и папа брал там лодку и приплывал к нам — там был пирс, такой небольшой,

[118] Отзыв на LiveJournal [https://varandej.livejournal.com/257171.html]
[119] Берая Лейла Тенгизовна, 1967.
[120] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

пристань такая небольшая, и все туда садились — женщины и дети с котомками, и ехали[121].

Был период, когда практически у каждого сортавальца дома был катер. ‹...› У нас было два огромных пирса, на которых — ну, я не знаю, там были тысячи этих катеров[122].

Катеров было — я боюсь сказать, но в пределах где-то четырех тысяч. Два пирса — пирс у шестой школы и пирс у первой школы. Катера, катера, катера. Как пятница — один шум моторов: народ весь выезжал. На «Прогрессах»[123].

До появления моды на отдых на дачах землю под строительство которых стали выдавать в том числе на островах[124], в Сортавале был период так называемого культа воды. Нарративы, описывающие это время, повсеместно используют слова: «детство», «лето», «выходные», «острова», «стоянки». Массовость и популярность семейных поездок на Ладожские шхеры, описывается фразой: «...просто считалось, наверное, неприличным — ты не был на Ладоге в выходные»[125].

У нас все детство прошло на Ладоге. Каждую пятницу после работы мы садились на лодки — у нас был «Прогресс», у папы с мамой, у дедушки с бабушкой и у дяди с тетей. И вместе с ними вот этим всем аулом мы выезжали на острова. Каждые выходные — в пятницу мы выезжали, после работы родители собирали нас всех, и приезжали мы в воскресенье. И так все детство. В сезон[126].

Мы в пятницу — дети, — уже накупив продуктов, сидели, ждали родителей с работы. Приходили родители, мы шли на посадочную площадку, отец заходил на пирс, сдавал пропуск, брал нашу лодку. Которая висела под мотором. Все охранялось. Это европейский уровень жизни тут был. Садился отец в лодку, подъезжал к лодочной станции, загружал нас, заливал бензин, и мы ехали в Ладогу. Все сортавальцы были в Ладоге[127].

Летом, летом каждый выходной — [отдыхали] на островах. Каждый выходной. Если в пятницу поздно выехал, вот тут такой лабиринт заливов, островов, пока километров восемь, наверное, до выхода в Ладогу здесь, заливы, заливы, заливы, — все занято. Все места хорошие, все скалки заняты, народ всегда летом отдыхал только тут, на островах[128].

Отсутствие административных запретов на пользование островной территорией позволяло горожанам обживать эти незаселенные места, создавая своими силами инфраструктуру для комфортного отдыха. При этом отсутствие внешнего регламента со стороны государства развивало внутреннее негласное законодательство: сортавальцы оставляли за собой право занимать («столбить») определенные участки, строили на выбранных местах бани и сараи для хранения имущества.

[121] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

[122] Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

[123] Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

[124] «Хавус — это один из островов, который имел свой, например, хутор — ну, финны селились так. Там было несколько домиков. И вот, например, люди дачу ставили там недалеко от фундамента, от старого фундамента финского. Там, где стоял дом, где скотный двор у них был, всё-всё-всё» [Берая Лейла Тенгизовна 1967].

[125] Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

[126] Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

[127] Перминова Елена Анатольевна, 1970.

[128] Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

> Практически в этот летний период большинство сортавальцев, они ездили на эти острова. Кто имел свои места. Кто-то строил какие-то сараюшки, какие-то бани прямо на островах. Тогда не требовалось никаких разрешений на строительство. Они просто облюбовали место, туда ездили и решили себе благоустроить место, сделали баню и сарай, чтобы там что-то хранить. И это было такой традицией горожан в Сортавала, именно в [19]70—[19]80-е годы[129].

С наступлением перестройки заканчивается эпоха «водной Сортавалы»; на смену «культу воды и природы» приходят опустевшие полуразрушенные пирсы. Причин к подобным переменам упоминается множество: повышение цен на бензин, лодки и катера — отныне путешествия по шхерам на своем транспорте становится занятием «не для бедных», пирсы перестают охраняться — теперь оставлять транспорт на них становится небезопасным, на традиционное для всего города занятие — рыбную ловлю — налагаются запреты и ограничения, большая часть земель, которая раньше была в общественном пользовании, переходит к частным лицам: территорию начинают застраивать элитными коттеджами, кроме того, в результате появления широкого и доступного выбора направлений на современном туристическом рынке отдых на Ладожских шхерах перестает с прежней силой привлекать новое поколение горожан, сохраняя черты «золотого века» лишь для старших сортавальцев.

Сегодня Ладога — это прежде всего территория транзита. Сортавала — второй после Петрозаводска туристический центр Республики Карелия. Тем не менее эти обстоятельства не лишают местные природные ресурсы уникальности, напротив — изменения, произошедшие в городе за последние десятилетия, подчеркивают эту уникальность с еще большей интенсивностью.

Заключение

Война поделила историю города на две части: финскую и советскую. С уходом в 1940-е годы финского населения прерывается та часть памяти, которая связывала место с его жителями все предыдущие годы. Новоприбывшие получают в наследство землю с историей, которую могут «читать» лишь по сохранившимся артефактам, переданному материальному наследию, для которого даже не всегда имелось название. Лишь спустя половину века эти люди получают возможность углубить свои знания и обогатить «финскую память» о месте благодаря прежним хозяевам и их потомкам, пожелавшим вернуться к покинутым наспех домам; вместе с тем приходит понимание и осознание европейского прошлого города. Параллельно этим процессам с 1940-х годов идет формирование собственной советской истории места — биографической памяти, сохранившейся в личных и семейных историях первопоселенцев; она также подключается к созданию образов города, сохранившихся сегодня в нарративах старшего поколения. Описанные в работе мотивы исторической памяти Сортавалы, безусловно, не исчерпывают всего многообразия смыслов, заложенных в локальном тексте. Тем не менее мы надеемся, что представленный материал будет полезен всем, кто интересуется народной историей города и факторами, формирующими особое самоопределение местных жителей.

[129] Ширманов Артур Эдуардович, 1972.

Список литературы

Басова, Д. В. (2015). Старая Ладога — «воображаемая» столица России. *Сравнительная политика*, *4*(21), 94–96.

Большакова, Г. И. (2009). Со слов дедов и отцов: из истории заселения и освоения Карельского перешейка советскими переселенцами в 1940-е годы. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), 2*(11), 35–43.

Борисов, И. (2010). *Рускеальские каменоломни — путеводитель и историческая справка.* Режим доступа: https://www.go2walk.ru/2011/ruskealskie-kamenolomni-opisanie-istoria/

Бренды Советской Карелии. СМЛК. Составитель В. Рыстов по материалам № 11/12 альманаха «Сердоболь» и др. Режим доступа: https://vk.com/@-161842992-brendy-sovetskoi-karelii-smlk

Веригин, С. Г. (2017). Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 7*(168), 42–48.

Дубровская, Е. Ю. (2008). Российские военные власти и Сердобольская учительская семинария: противостояние в карельском приграничье в начале XX в. // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН,* 28–36.

Илюха, О. П. (2020). Восприятие и освоение детьми запретных и таинственных мест в новом советском городе: случай послевоенной Сортавалы. *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология,* 58, 129–143.

Илюха, О. П., Муллонен, И. И. (Ред.). *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования, 1,* 28–36.

Изотов, А. Б. (2005). Финны в послевоенной Сортавале. Т. Ю. Бердяева, С. Г. Веригин, А. М. Пашков (Ред.). *Сортавальский исторический сборник. Материалы международной научно.-просветительской краеведческой конференции «370 лет Сортавале», 1*, 202–210. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ.

Изотов, А. Б. (2008-1). Магия Сортавалы: пространственно-временные и культурные образы города. *Вестник Евразии*, *2008*(1), 149–202.

Изотов, А. Б. (2008-2). Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала. О. П. Илюха, И. И. Муллонен (Ред.). *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования, 1*, 53–64. Петрозаводск: КарНЦ РАН.

Итконен, Х., Шикалов, Ю. Г. (2017). Формирование и развитие гражданского общества в г. Сортавале (1880–1939). *Ученые записи Петрозаводского государственного университета*, *7*(168), 49–55.

Мельникова, Е. А. (2009). Своя чужая история: финская Карелия глазами советских переселенцев. *Неприкосновенный запас, 2009*(2), 55–75.

Мельникова, Е. А. (2014). Воспоминания об «исходе» и этническая идентичность финнов-ингерманландцев в переселенческой Карелии. *Материалы полевых исследований МАЭ РАН, 14*, 51–70.

Мельникова, Е. А. (2015). Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время. *Антропологический форум, 2015*(25), 9–41.

Мельникова, Е. А. (2017). Локальное и национальное в пространстве городского праздника: день города и песенный фестиваль в г. Сортавала. В П. Суутари, И. Мошников, Ю. Шикалов, О. Давыдова-Менге (Ред.). *Гибкие этничности. Этнические процессы в российско-финляндском приграничье*, 72–105. СПб.: Нестор.

Мельникова, Е. А. (2019). Финские кладбища в России: кросс-граничные группы памяти и новый моральный порядок. *Антропологический форум, 2019*(43), 11–40.

Мельникова, Е. А. (Ред.), Макарова, В. Ю., Мельникова, Е. А., Филичева, О. Н., Хакамиес, П., Хаккарайнен, М. В. (Сост.). (2005). *Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета.

Михайлова, Л. В. (2016). Сортавала — Сердоболь. Топонимика. *Русская речь, 2016*(3), 102–107.

Окунев, И. Ю., Басова Д. В. (2016). Столицы без актуальной государственности: опыт эмпирического исследования в Старой Ладоге, Касимове и Мышкине. *Вестник МГИМО-Университета, 4*(49), 248–261.

Окунев, И. Ю., Еряшев, Н. И. (2018). Исторический нарратив «столичности» и формирование городской идентичности жителей Самары. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология, 2018*(1), 122–131.

Пашков, А. М. (2017). Сортавала глазами русских путешественников конца XIX — начала XX века. *Ученые записи Петрозаводского государственного университета, 7*(168), 56–61.

Сортавальское городское поселение. Генеральный план. Материалы по обоснованию проекта. Режим доступа: https://m.xn--80aaagdg6ctabtdlq.xn--p1ai/files/443.pdf

Тимофеев, М. Ю. (2011). Брендинг городов современной России: семантика и прагматика // *Вестник Ивановского университета, 2011*(2), 37–46.

Шикалов, Ю. Г. (2017). «Финское наследие» в советской действительности Сортавалы. *Ученые записи Петрозаводского государственного университета, 7*(168), 62–67.

Laine, J. (2016). Preface: Remapping Sortavala from below. In A. Izotov (Ed.). *Soviet identity politics and local identity in a closed border town, 1944–1991,* 7–10. Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University.

References

Basova, D. (2015). Old Ladoga: An 'imagined' Russian capital. *Comparative Politics Russia*, *4*(21), 94–96. (In Russian).

Bolshakova, G. (2009). In the words of the grandfathers and fathers: From the history of the settlement and development of the Karelian Isthmus by Soviet settlers in the 1940s. *Society. Environment. Development (Terra Humana), 2*(11), 35–43. (In Russian).

Borisov, I. (2010). *Ruskeala quarries — a guide and historical information.* Retrieved from https://www.go2walk.ru/2011/ruskealskie-kamenolomni-opisanie-istoria/ (In Russian).

Brands of Soviet Karelia. SMLK. Compiled by V. Rystov based on materials No. 11/12 of the Serdobol anthology and others. Retrieved from https://vk.com/@-161842992-brendy-sovetskoi-karelii-smlk (In Russian).

Dubrovskaya, E. (2008). Russian military authorities and Serdobol teachers' seminary: Confrontation in the Karelian border region at the beginning of the 20th century. In *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Humanities research. Issue 1,* 28–36. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyi tsentr RAN. (In Russian).

Ilyukha, O. (2020). Perception and development of forbidden and mysterious places by children in the new Soviet city: The case of post-war Sortavala. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology, 2020*(58), 129–143. (In Russian).

Ilyukha, O., Mullonen, I. (Eds.). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Research in the humanities, 1,* 28–36. Petrozavodsk: KarRC RAS. (In Russian).

Itkonen, H., Shikalov, Yu. (2017). Formation and development of civil society in Sortavala (1880—1939). *Proceedings of Petrozavodsk State University, 7*(168), 49–55. (In Russian).

Izotov, A. (2005). The Finns in post-war Sortavala. In T. Berdyaeva, S. Verigin, A. Pashkov (Eds.). *The Sortavala historical collection: Materials of the international research and educational conference on local lore "The 370 years of Sortavala", 1,* 202–210. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU. (In Russian).

Izotov, A. (2008). Everyday life of a border town: The post-war Sortavala. In O. Ilyukha, I. Mullonen (Eds.). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Research in the humanities, 1,* 53–64. Petrozavodsk: KarRC RAS. (In Russian).

Izotov, A. (2008). The magic of Sortavala: Spatio-temporal and cultural images of the city. *Acta Eurasica, 2008*(1), 149–202. (In Russian).

Laine, J. (2016). Preface: Remapping Sortavala from below. In A. Izotov (Ed.). *Soviet identity politics and local identity in a closed border town, 1944–1991,* 7–10. Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University.

Melnikova, E. (2009). One's own alien history: Finnish Karelia through the eyes of Soviet settlers. *Neprikosnovennyi Zapas,* 2009 (2), 55–75. (In Russian).

Melnikova, E. (2014). Memories of the "exodus" and ethnic identity of Ingrian Finns in the

settlers' Karelia. *Field research materials of the MAE RAS*, *14,* 51–70. (In Russian).

Melnikova, E. (2015). Local past on the border of the national: Local history museums of the Northern Ladoga region in post-Soviet times. *Anthropological Forum*, *2015*(25), 9–41. (In Russian).

Melnikova, E. (2017). The local and the national in the space of a town holiday: Town Day and song festival in Sortavala. In P. Suutari, I. Moshnikov, Yu. Shikalov, O. Davydova-Menge (Eds.). *Flexible ethnicities. Ethnic processes in the Russian-Finnish border area,* 72–105. Saint Petersburg: Nestor. (In Russian).

Melnikova, E. (Ed.), Makarova, V., Melnikova, E., Filicheva, O., Hakamies, P., Hakkarainen, M. (Compls.). (2005). *The border and the people. Memoirs of Soviet settlers in the Ladoga region of Karelia and the Karelian Isthmus.* Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta. (In Russian).

Melnikova, E. (2019). Finnish cemeteries in Russia: Cross-border memory groups and a new moral order. *Anthropological Forum, 2019*(43), 11–40. (In Russian).

Mikhailova, L. (2016). Sortavala — Serdobol. Toponymy. *Russian Speech, 2016*(3), 102–107. (In Russian).

Okunev I., Basova D. (2016). Capitals without relevant stateness: Empirical studies in Staraya Ladoga, Kasimov and Myshkin. *MGIMO Review of International Relations*, *4*(49), 248–261. (In Russian).

Okunev, I., Eryashev, N. (2018). Historical narrative of "metropolitanism" and the formation of urban identity of Samara residents. *Bulletin of Perm University. Political Science, 2018*(1), 122–131. (In Russian).

Pashkov, A. (2017). Sortavala through the eyes of Russian travellers of the late 19th — early 20th centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, *7*(168), 56–61. (In Russian).

Shikalov, Yu. (2017). "Finnish heritage" in the Soviet reality of Sortavala. *Proceedings of Petrozavodsk State University, 7*(168), 62–67. (In Russian).

Sortavala municipal settlement. General layout. Validation of the design. Retrieved from https://m.xn--80aaagdg6ctabtdlq.xn--p1ai/files/443.pdf (In Russian).

Timofeev, M. (2011). Branding of the cities of modern Russia: Semantics and pragmatics. *Ivanovo State University Bulletin, 2011*(2), 37–46. (In Russian).

Verigin, S. (2017). Settlement and economic development of Sortavala and its suburbs in 1940—1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, *7*(168), 42–48. (In Russian).